

УДК 168.522

МЕСТО И СТАТУС ФИЛОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ГУМАНИТАРНЫХ ЗНАНИЙ

© Ноготков А.И., Огнев А.Н.

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация*

e-mail: ar-gamilzor@inbox.ru

Не вызывает никаких сомнений, что невозможно четко определить сущность филологии как теоретической эпистемологической дисциплины. Так, Вернер Хамахер в эссе «За филологию» пишет, что исключительно филология способна на вопрос о том, что такое филологический вопрос, поскольку лишь она может допустить и снести то, что однозначного и окончательного ответа существовать не может; и здесь же г-н Хамахер утверждает, что филология только тогда не стерпит этого вопроса, если ошибочно станет полагать себя эпистемологической дисциплиной и ограничится определенным предметным полем [3, с. 152]. И в самом деле: в разные периоды своего существования – от Александрии до сегодняшнего дня – филологи ставили своими задачами задачи, подчас подчеркнута и вызывающе различные: от толкования и конъектуры текстов до поиска сокровенности – стоит вспомнить лишь кабалу эпохи Ренессанса и раннего Нового времени. Это говорит о том, что действительно невозможно определить круг специфически филологических занятий: так не является ли филология лишь методом – лишь инструментом в занятиях, четко знающих свою прагматику?

Правда, такое случается, особенно часто в наши дни, когда забылась основа, на которой и выросли гуманитарные сферы человеческого знания: наиболее достойное знание – знание *бесполезное*, праздное; Аристотель писал в «Метафизике»: «...мудрость, по общему мнению, вращается в области первых причин и начал. Таким образом... умозрительные изыскания выше чисто практической деятельности» [1, с. 33]; и ниже: «...самое основное из знаний и преобладающее над служебным есть то, в котором содержится понимание цели, ради которой все в отдельности должно делаться...» [1, с. 34–35]. Не вызывает никаких сомнений, что филология именно такова. Таким образом, филология – отнюдь не теоретическая дисциплина [3, с. 149]; мы бы сказали, что филология – дерзновение сделать страстью сам разум; В. Хамахер выразил это как «практику *pathos*'а» [3, с. 152].

Фр. Шлегель писал: «Если само суждение об искусстве не является произведением искусства... то оно не имеет гражданских прав в царстве искусства» [4, с. 288]: это противоречит так называемым «принципам научного познания», но это же и открывает, что филология *per se* не содержит в себе еще раскола искусства и науки. От искусства в филологии – страсть и внутренняя противоречивость, о коих мы уже сказали; от науки – точность, умение понять текст как таковой, дисциплина ума и души. В сущности, это главный парадокс: природа филологии – в том, чтобы одновременно пристально всматриваться в свой предмет – и не терять при этом взгляда «в общем», более того – совмещать взгляды *sub specie interioritatis et exterioritatis*, быть «здесь» – и «не-здесь», говорить Я – и отказываться от Я.

Это выделяет филологию из ряда гуманитарных дисциплин – имеющих вполне очерчиваемые границы, определенный инструментарий, практическое применение. Филологию же определить таким образом нельзя; но это и понятно: *per se* она не содержит претензии на *полезность*, являясь игрой свободного ума.

Встречаем у Новалиса: «Мыслить – значит говорить. Говорить, делать или совершать – только разновидности Одной операции. Бог сказал: “Да будет свет!”, и стал свет» [2, с. 215]. Ежели филология – тонкое искусство мыслить о мысли и сказать о сказанном, то есть рефлексировать о творении, не будет ли естественным заключить отсюда, что филология – слово о сути и – более того – таинство сохранения и воспроизведения творения? Читаем у В. Хамахера: «...этот пафос филология разделяет с каждым, кто говорит или пишет, а *fortiori* с поэтами, которые говорят... об опыте открытости языка: возможности языка в условиях его невероятности, могущества языка в условиях бессилия, власти в горизонте ее утраты. Поэзия – самая безудержная филология...» [3, с. 155]. И в другом месте: «Поэзия – это Первая филология. Филология равняется, осознанно или нет, на открытость поэзии мирам...» [3, с. 136].

Мы уже сказали, что филология находится в донаучном состоянии: то есть содержит науку в себе как часть себя, но не исчерпывается ей. Теперь же представляется необходимым заключить, что филология в принципе предшествует всякому знанию – всякому суждению – всякой доктрине. *Филология есть то, что должно свершиться, чтобы знание стало возможным.*

Отсюда следует, что прочие гуманитарные дисциплины со всеми их знаниями, вообще знание как таковое – а знание может быть в конечном счете только гуманитарным – стали в конце концов возможны лишь благодаря филологической практике – ибо, пожалуй, филология возможно всего тогда, когда речи о филологии вовсе не идет.

Читаем у Шлегеля: «Но произвольно погружаться не только рассудком и воображением, но и всей душой то в ту, то в иную сферу, словно в другой мир, свободно отказываться то от той, то от этой части своего существа, ограничиваясь совершенно другой, искать и обретать всего себя то в том, то в этом индивиде, сознательно забывая об остальных, – все это может только дух, содержащий в себе как бы множество духов и целую систему лиц, дух, в чьем внутреннем мире вырос и созрел универсум, который, как говорят, должен прорасти в каждой монаде» [4, с. 297]. Это, как представляется нам, – совершенное описание филолога, чей дух должен быть универсален и всепотенциален, *парить за пределами любых эпох и границ* – чтобы мочь определять границы, ибо необходимо быть внеположным тому, что творишь. Значит: филология – это практика вознесения и углубления – что, впрочем, одно и то же, – филология – это *духовное упражнение.*

Библиографический список

1. Аристотель. Метафизика / пер. с греческого П.Д. Первова и В.В. Розанова. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006.
2. Новалис. Фрагменты. СПб.: Владимир Даль, 2014.
3. Хамахер Вернер. *Minima philologica*: 95 тезисов о филологии; За филологию / пер. с нем. Анны Глазовой; под ред. Ивана Болдырева. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2020.
4. Шлегель Фридрих. Эстетика. Философия. Критика: в 2 т. Т. 1 / вступ. статья, пер. с нем. Ю.Н. Попова. М.: Искусство, 1983.